

Борисенко

*Тамара Афанасьевна
(урождённая Бабарыкина)*

Трудности нас боялись

Когда я родилась, в семье уже было 3 девочки, мои сёстры.

Отец, Афанасий Фёдорович Бабарыкин, сотрудник НКВД, с нетерпением ждал сына. Сообщение о рождении 4-й дочери принял за розыгрыш: «Бросьте ваши шуточки. Я серьёзно спрашиваю, иначе заведу на вас «Дело»!» – кричал он в трубку телефона.

Моё появление для мамы, Веры Архиповны, было не очень желанным подарком: обстановка в стране, новое место жительства, съёмная квартира, неблагоустроенность. Мама семь раз пыталась предотвратить это событие самостоятельно... И чуть сама не погибла. А мне, очевидно, так хотелось жить. И на все мамины попытки я отреагировала по-своему: буду жить и basta!

Через некоторое время отец смирился с превратностями судьбы и, говорят, обожал меня. Это продолжалось недолго. Всего 7 месяцев. В ноябре того же 1941 г. отец ушёл на фронт. А в 1943 г. под Ленинградом - погиб.

Все «прелести» жизни легли на плечи моей совсем ещё молодой мамы, ей было 33 года.

Когда я стала подрастать, то запомнились такие её слова: «Дети мои, не бойтесь трудностей, пусть лучше они боятся вас». Образ жизни мамы сформировал и наши личности. Мы научились преодолевать трудности, любить труд, стремиться к самым высоким целям. Однако это позднее. А пока мы жили обычной жизнью того времени, считали это нормой бытия: ходить полураздетыми, постоянно чувствовать голод и мечтать.

Вспоминается несколько курьёзных случаев. Однажды, придя к подружке, я заметила, что вся семья одновременно села за стол. «А мы едим по очереди, так как у нас не хватает ложек,» – сообщила я. За эту откровенность получила серьёзное внушение от мамы.

Вот ещё один случай... У моей мамы сильно болела голова. Придя с ночного дежурства, она не могла уснуть, мешало даже тиканье часов. Мы их останавливали. Иногда, переутомившись, она теряла сознание. В этот момент у неё сжимались зубы. Чтобы вернуть маму к жизни, надо было разжать зубы и влить в рот воды. В дальнейшем такие приступы прекратились. А вот от головы она нашла не совсем ординарный способ лечения: попить очень горячий чай с травами, вприкуску с солёным огурцом. Ближние соседи знали об этом. Однажды меня подговорила подружка попросить солёный огурец, будто бы для мамы, у соседки.

Тпа, конечно, дала. А мы, спрятавшись за пенёк, съели огурец. В это самое время мама неожиданно вернулась с работы и встретила соседку, у которой мы выманили обманом этот огурец. Соседка удивилась: «Вера, так ты не болеешь?» И наша «тайна» лопнула, разлетевшись в клочья. Прошло более 70 лет, а я до сих пор помню послевкусие этого огурца.

Этого урока хватило мне на всю оставшуюся жизнь. Вот так, не имея особого педагогического образования, она формировала наши личности: не пренебрегать никакой работой, трудиться в поте лица, стремиться стать уважаемым человеком. И мы, все четверо, старались выполнять её требования.

Маме мы помогали, как могли. Я, как только подросла, стала сопровождать маму на железную дорогу. Туда она ходила за углём. Не до конца сгоревший уголь вываливали паровозы, а из него можно было выбрать угольки, пригодные для дальнейшего использования. Так мы отапливались. Помню, чтобы сделать забор, мы ездили на соседской телеге в лес, за сухостоем. Мама и сёстры в упряжке. Мне, как ещё дошкольнице, 10 хворостин, а взрослым – сколько смогут унести, но так, «чтобы не лопнули глаза от тяжести», как говорила нам мама.

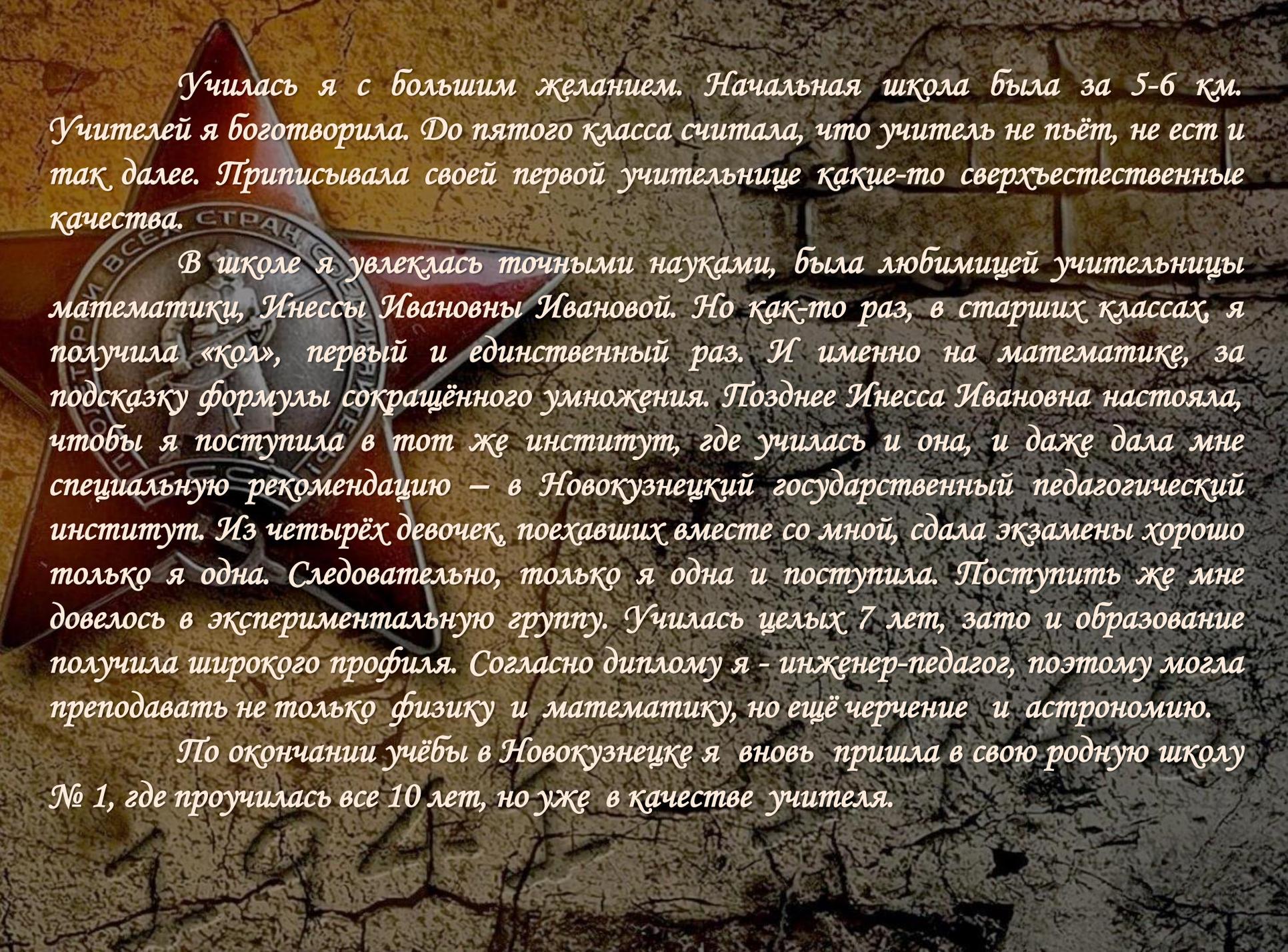
Но, наконец, закончилась война. Фронтовики стали возвращаться домой. Однажды к нам пришёл мужчина и предложил заменить отца. Мама посоветовалась со старшими дочерьми. Они-то помнили отца. Старшей Вале было 15, Анне – 14, Лидии – 11. Лидиа заявила, что она убежит из дома, старшие предъявили ещё более серьёзные претензии.

После этого наш женский «батальон» не видел мужчин в доме ни разу. Мама не предала отца. Папой почему-то не могу его назвать. Не было времени привыкнуть к этому слову. Хотя я постоянно чувствовала его отсутствие. У моей подруги отец, помню, во время войны оставался с семьёй. И девочка купалась в его ласке. Летом он набирал в лесу ягоды, привозил домой, налаживал ей с молоком, и она ела. Я сидела на пороге в их доме и завидовала её судьбе. Таких моментов было много. 1956 г.

*Учащиеся 8 «Б» класса на строительстве школьной мастерской
Тамара – 3-я слева*

В 1948 году я пошла в первый класс. Всей улицей подыскиали мне школьную одежду. Юбочку и кофточку (поношенные, конечно, вещи). Радость была неопиcуема. Хотя в то же время мама подписалась на облигации на всю зарплату в фонды государства для развития народного хозяйства. А могла бы - на 50% или даже 30% зарплаты.

Училась я с большим желанием. Начальная школа была за 5-6 км. Учителей я боготворила. До пятого класса считала, что учитель не пьёт, не ест и так далее. Приписывала своей первой учительнице какие-то сверхъестественные качества.

В школе я увлеклась точными науками, была любимицей учительницы математики, Инессы Ивановны Ивановой. Но как-то раз, в старших классах, я получила «кол», первый и единственный раз. И именно на математике, за подсказку формулы сокращённого умножения. Позднее Инесса Ивановна настояла, чтобы я поступила в тот же институт, где училась и она, и даже дала мне специальную рекомендацию – в Новокузнецкий государственный педагогический институт. Из четырёх девочек, поехавших вместе со мной, сдала экзамены хорошо только я одна. Следовательно, только я одна и поступила. Поступить же мне довелось в экспериментальную группу. Училась целых 7 лет, зато и образование получила широкого профиля. Согласно диплому я - инженер-педагог, поэтому могла преподавать не только физику и математику, но ещё черчение и астрономию.

По окончании учёбы в Новокузнецке я вновь пришла в свою родную школу № 1, где проучилась все 10 лет, но уже в качестве учителя.